

БИБЛИОТЕКА

Нижегород. Ученой Архивной Комиссии.

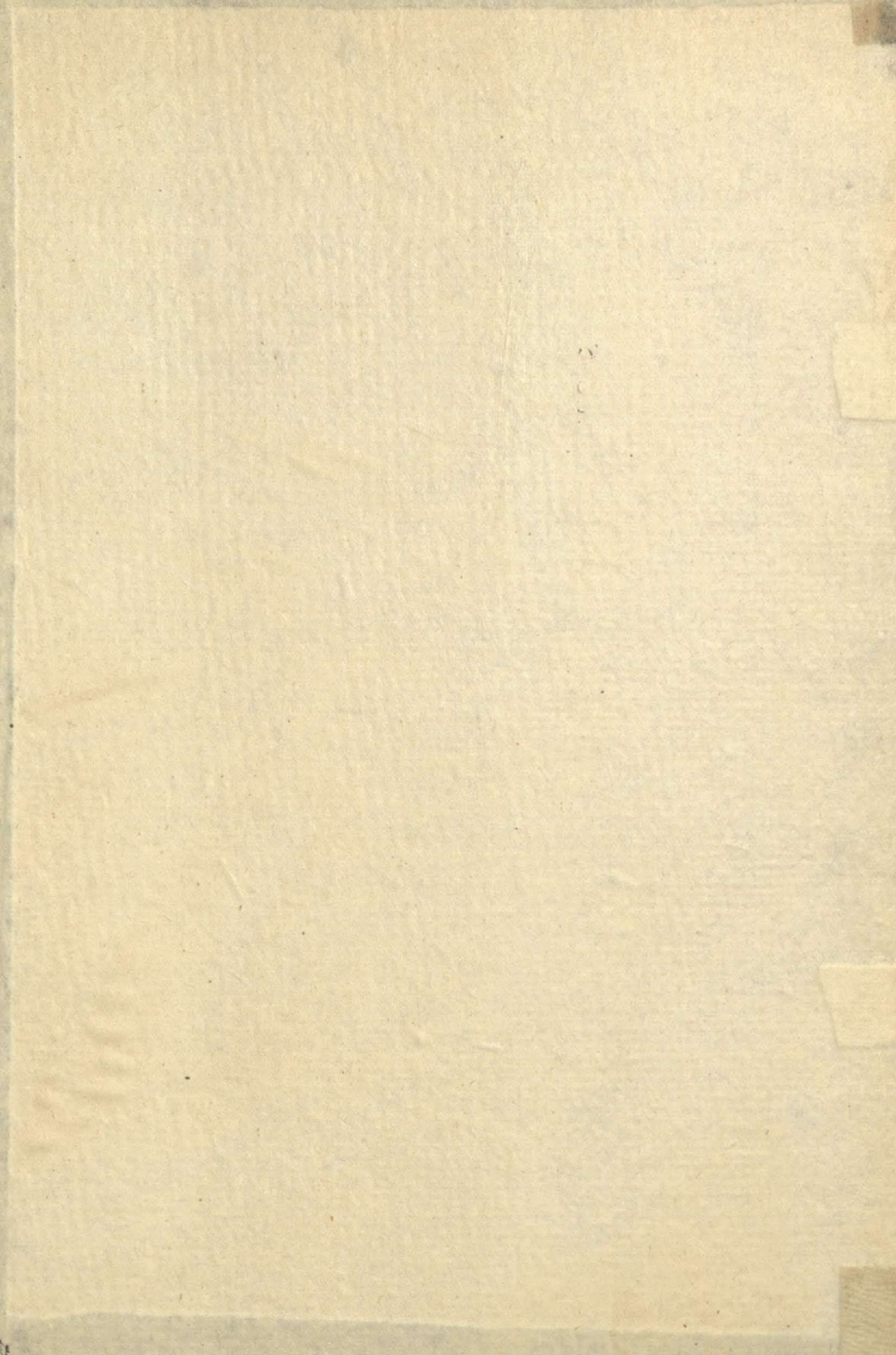
Отдѣлъ рукописный

№ общій 805

Шкафъ I Полка

7

2.

1

БИБЛИОТЕКА
р. губернска. Архивн. Комисс
ль I
бщій 354
тдѣла
фь Полка

Къ молодежи старообрядчества.

I.

Св. Библия.

Начиная въ настоящемъ году свое обращеніе къ молодежи старообрядчества я не нахожу лучшей темы какъ поговорить о Библии, „книгъ книгъ“ и возможнаго отношенія къ ней.

Въ сущности—вопросъ о книгъ книгъ—основной вопросъ религіознаго знанія. Библия, вѣтхій и новый завѣтъ,—источникъ всего вѣроученія и подрывъ вѣры и уваженія къ этой книгъ, обязательно влечетъ за собой крушеніе вѣры. Не даромъ нападеніе на вѣру начинается всегда съ этой стороны. Библия—это книга „сказокъ“—это самая вредная и самая лживая изъ книгъ—говоритъ Л. Н. Толстой. Говорятъ,—патетически восклицаетъ онъ,—о вредныхъ книгахъ! Но есть ли въ христіанскомъ мірѣ книга, сдѣлавшая больше вреда людямъ, чѣмъ эта ужасная книга, называемая „Священной Исторіей ветхаго и новаго завѣта“. А черезъ преподаваніе этой священной исторіи проходятъ въ своемъ дѣтскомъ возрастѣ всѣ люди христіанскаго міра, а эта же исторія преподается всѣмъ взрослымъ темнымъ людямъ.

А варшавскій проф. Ковалевскій—въ брошюрѣ „Библия и нравственность“ старается доказать, что по крайней мѣрѣ ветхій завѣтъ представляетъ матеріаль положительно развращающій.

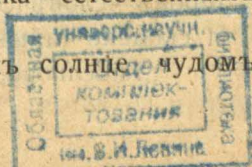
Что такое представляетъ собой разсказъ о Фамари и Иудѣ, объ и Авессаломѣ или о томъ, какъ Іаковъ выманилъ за чечевичную похлебку драгоцѣнное право первородства у своего брата. Или разсказъ о томъ, какъ Авраамъ—отдавалъ свою жену то Авимелеху, то фараону.

Можетъ ни быть—святой такая книга?

И понятно—такія возраженія кажутся убѣдительными для молодежи.]

Что вы говорите намъ—о чудесномъ смѣшеніи языковъ—когда всѣ языки—какъ доказываетъ лингвистика—естественнымъ путемъ развились отъ одного корня.

Что вы рассказываете намъ о томъ какъ солнце мудомъ

останавливается надъ долиной Еглонъ—когда солнце всегда неподвижно, а остановка движенія земли хоть на одну минуту спалило—бы землю, сожгло ее и т. д.

Мы признаемъ всю естественность такихъ вопросовъ и въ виду ихъ посвящаетъ эту бесѣду Библии.

Мы хотимъ сказать ей: читайте книгу книгъ и не осуждайте ее легкомысленно и слѣпо. Даже если вы не вѣруете—все таки читайте. Нѣтъ книги, которая давала бы такъ много для познанія міра и жизни какъ „книга книгъ“.

Вы не вѣруете ея богодухновенности?

Допустимъ на минуту, что вы правы.

Но вотъ язычникъ Гете... Раціоналистъ Толстой и однако—какъ они смотрѣли на святую книгу.

Ревиль—заканчиваетъ одну свою статью, помѣщенную во французскомъ журналѣ „Revue de deux mondes“ (1864 г.), слѣдующимъ сообщеніемъ: „Однажды въ собраніи серьезныхъ лицъ возбужденъ былъ вопросъ, какую книгу избралъ бы осужденный на пожизненное тюремное заключеніе человѣкъ, если бы ему позволено было взять съ собой въ тюрьму только именно одну книгу.“

Въ собраніи присутствовали католики, протестанты, философы и также матеріалисты. Но всѣ они согласились въ томъ, что выборъ могъ пасть только на Библию“.

„Библия“, пишетъ Генрихъ Гейне, „это старая, простая книга, скромная, какъ природа, естественная, какъ она; книга такая же безпритязательная и обыденная, какъ солнце, согрѣвающее насъ, и эта книга называется Св. Писаніемъ. Кто потерялъ своего Бога, тотъ снова найдетъ Его въ этой книгѣ, а кто никогда не зналъ Его, на того повѣетъ изъ нея дыханіемъ Божественнаго слова“.

„Я люблю Библию“, пишетъ Гете въ „Истинѣ и творествѣ“, „и признаю важною, ибо почти ей одной я обязанъ моимъ нравственнымъ образованіемъ“ „Я убѣжденъ“, говоритъ онъ позднѣе, „что Библия является все болѣе прекрасною, чѣмъ болѣе ее разумѣю“.

А изъ нашихъ русскихъ.

„Господи! что за книга это Св. Писаніе, говоритъ Достоевскій въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Какое чудо и какая сила, данная съ нею человѣку! Точно изваяніе міра и человѣка и характеровъ человѣческихъ, и названо все и указано на вѣки вѣковъ. И сколько тайнъ—разрѣшенныхъ и откровенныхъ“.

„Гибель народу безъ Слова Божія, ибо жаждетъ душа его

слова и всякаго прекраснаго воспріятія.

И даже самъ Л. Н. Толстой писалъ когда то въ педагогическихъ статьяхъ слѣдующія знаменательныя строки:

„Мнѣ кажется, что книга дѣтства рода человѣческаго всегда будетъ лучшею книгой дѣтства всякаго человѣка. Замѣнить эту книгу мнѣ кажется невозможнымъ. Измѣнять, сокращать Библию, какъ это дѣлаютъ въ учебникахъ Зонтагаъ. и т. п., мнѣ кажется вреднымъ. Все, каждое слово въ ней справедливо, какъ откровеніе и справедливо, какъ художество.

„По Библии ребенку представляется живая и величественная картина, которой онъ никогда не забудетъ.

„Какъ все понятно и ясно, особенно для ребенка, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ строго и серьезно!.. Я немогу себѣ представить, какое возможно было бы образованіе, если-бы не было этой книги. Для того, чтобы открыть ученику новый міръ, и безъ знанія заставить его полюбить знаніе, нѣтъ книги, кромѣ Библии.

„Я говорю—даже для тѣхъ, которые не смотрятъ на Библию, какъ на откровеніе.

„Нѣтъ, по крайней мѣрѣ я не знаю произведенія, которое бы соединяло въ себѣ въ столь сжатой поэтической формѣ всѣ тѣ стороны человѣческой мысли, какія соединяетъ въ себѣ Библия. Всѣ вопросы изъ явленій природы объяснены этою книгой, всѣ первоначальныя отношенія людей между собой, семьи, государства, религіи въ первый разъ сознаются по этой книгѣ. Обобщеніе мыслей, мудрость въ дѣтски-простой формѣ въ первый разъ захватываетъ своимъ обояніемъ умъ ученика.“

Книга книгъ должна быть настольной книгой даже для невѣрующихъ—вотъ общій выводъ изъ цѣлыхъ десятковъ отзывовъ, о святой книгѣ.

Васъ смущаютъ нѣкоторыя повѣтствованія библии, рассказы о чудесахъ и т. п. противорѣчія ея наукѣ въ вопросѣ о происхожденіи міра и т. д.

Во первыхъ имѣйте въ виду, что библия не ученый трактатъ, она вовсе не хочетъ дать вамъ свѣдѣнія по геологіи.

Ея тема, исторія спасенія. Ея задача, рассказать, какъ эта исторія спасенія прошла въ Исусѣ Христѣ и въ исторіи Его смерти и Его воскресенія, и найдетъ свое завершеніе въ обѣтованномъ будущемъ мірѣ. Таково именно есть содержаніе Св. Писанія. Начинаясь съ сотворенія неба и земли на первыхъ своихъ листахъ, оно заканчивается на своихъ послѣднихъ листахъ откровеніемъ новаго неба и новой земли. Между тѣмъ началомъ и этимъ

концомъ совершается вся эта богатая исторія, и средоточный пунктъ ея есть крестъ. Отъ него лучи свѣта падаютъ и назадъ, и впередъ. Исусъ Христосъ, распятый и воскресшій, есть цѣль, къ которой направляются всѣ пути божественнаго откровенія, и центръ, отъ котораго они исходятъ опять. Онъ есть середина. Онъ есть зерно всего Св. Писанія.

Поэтому самые попытки критиковать книгу съ точки зрѣнія естествознанія напрасны и нелѣпы. Сообщенія геологическія и т. п. случайны въ библии. Очень часто рассказы въ библии есть символическія приспособленныя къ воззрѣніямъ „народа дитяти“, передача историческаго факта. Мы видѣли, что рассказъ о твореніи міра—есть вдохновенное видѣніе, рядъ истинскихъ картинъ, въ которыхъ даны такія истины, что наука только теперь къ нимъ подходитъ. Другіе рассказы передаютъ событія черезъ призву народныхъ воспоминаній и т. д.

Какъ Исусъ Навинъ могъ остановить солнце когда оно всегда стоитъ?—спрашиваете вы... А Л. Н. Толстой смѣется: какъ Исусъ Христосъ могъ вознестись на небо—когда неба нѣтъ: это только наше представленіе.

Возраженія смѣшныя и наивныя.. Допустимъ, что Исусъ Навинъ даже зналъ что солнце неподвижно (хотя конечно этого не было) даже и тогда онъ долженъ былъ сказать именно такъ: „остановись солнце“. Да и мы, если бы намъ захотѣлось продолжать день—выразили бы свое пожеланіе также „стань солнце“.

Въ чемъ состояло чудо—мы не знаемъ. Солнце могло остановиться на небѣ напр. въ силу законовъ отраженія, вслѣдствіе какого нибудь отраженія въ атмосферѣ—можетъ и въ силу причинъ, но во всякомъ случаѣ ничего *страннаго* въ библейскомъ повѣствованіи нѣтъ. Издѣвчатся надъ рассказомъ библии также бессмысленно—какъ бессмысленно возраженіе Толстого о вознесеніи. Само собою разумѣется, Господь Вездѣсущій не занялъ какого нибудь вещественнаго мѣста на вещественномъ небѣ; апостолы передали то впечатлѣніе какое у нихъ осталось и только.

„Нѣкоторые, говоритъ Спурджонъ, обращаются къ Слову Божію, думая найти въ немъ историческія свѣдѣнія о древнихъ вѣкахъ, и дѣйствительно находятъ. Другіе ищутъ свѣденія относительно геологіи и усердно стараются привести или геологію къ писанію, или писаніе къ геологіи. Мы можемъ всегда быть вполне увѣрены, что истина никогда ни противорѣчитъ себѣ; но такъ какъ никто еще пока не сможетъ вполне знать геологіи, потому что ея факты не были еще объяс-

нены удовлетворительной теоріей,—мы подождемъ, пока философы устроятъ свои собственныя дѣла, и мы увѣрены, что, когда они найдутъ истину, она будетъ вполнѣ согласна съ тѣмъ, что Богъ открылъ.

Однако, хотя библия не можетъ противорѣчить знанію—все же нужно оставить самую попытку подходить къ библии съ этимъ критеріемъ. Зачѣмъ искать математики въ откровеніи о смыслѣ жизни. Возможно, что коихъ читателей смущаетъ вообще вопросъ о чудѣ, его возможности и т. д., я напому имъ, что въ журналѣ Вопр. Фил. и Псих. доказывалась недавно философская вольно-знательность чуда. Да и отчего считать чудо какимъ то абсурдомъ, невозможностью, разъ только допускается бытіе живого Бога. Если Живой Богъ—есть это чудо и одно вытекаетъ изъ другого: Если нашъ Богъ—не можетъ творить чудесъ, то у насъ нѣтъ живого Бога, пишетъ Функе,—а нѣтъ живого Бога,—нѣтъ и никакого“. Кто вѣруетъ въ живого Бога и имѣетъ хоть отдаленное предчувствіе Его величія, тотъ не можетъ предположить, чтобы законами Имъ Самимъ данными, Онъ связалъ себѣ руки и долженъ теперь допустить все, что происходитъ.

Но когда мы вѣруемъ въ то, что мы—люди и должны быть или стать людьми Божиими, такими, которые созданы для общенія съ Богомъ и въ этомъ одномъ находятъ полноту жизни и удовлетвореніе себѣ,—когда мы вѣруемъ, что есть человѣческая свобода и что человѣкъ не машина, движущаяся подъ вліяніемъ извѣстныхъ законовъ и не могущая двигаться иначе, тогда невозможно Богу оставаться безучастнымъ къ тому, что трогаетъ людей.

Онъ не можетъ хранить молчанія по отношенію къ нимъ. Онъ долженъ говорить имъ; Онъ не можетъ не слушать ихъ благодарственные псалмы, Онъ долженъ отвѣчать; Онъ не можетъ относиться одинаково къ человѣку, который бьетъ Его въ лицо, и къ человѣку, который со слезами обращается къ Нему изъ заблужденія и жаждетъ отеческаго сердца.

Богъ долженъ оправдать себя въ судѣ Своемъ такъ же, какъ и въ любви Своей. Если есть вообще добро и зло, если есть у человѣка свобода противиться злу и искать добра, или презирать добро и служить своимъ нечистымъ похотямъ, то невозможно, чтобы Богъ, если Онъ живъ и святъ, относился къ этому равнодушно. Богъ долженъ открываться людямъ, или нѣтъ у насъ болѣе никакого общенія съ Нимъ. Надо, чтобы онъ говорилъ, отвѣчалъ намъ словомъ или дѣломъ.

Если предположить, что Богъ не обращаетъ больше вниманія на слезы покаянія блуднаго сына и на молитвы угнетенной вдовицы, то и самыя слова „покаяніе и молитва“ сдѣлаются скоро загадкой для людей „Я не хочу вступать въ споръ о томъ, имѣетъ ли молитва растроганной души какую-нибудь силу или не позволяетъ этому *pexus regum* (законъ природы). Я отношусь съ полнымъ уваженіемъ къ *pexus regum*, но не могу всетаки не вспомнить при этомъ о Сампсонѣ, который оставивъ нетронутымъ *pexus* внутренняго строенія воротъ, какъ извѣстно, отнесъ ворота цѣликомъ на гору. Однимъ словомъ, я полагаю, что не напрасно кричитъ олень, ища водныхъ источниковъ; нужно только хорошенько молиться и съ надлежащимъ настроеніемъ.

Если же Богъ не внимаетъ нашимъ молитвамъ (за исключеніемъ провиденціальныхъ случаевъ), то онъ не Богъ, Онъ смѣется надъ собственнымъ твореніемъ Своимъ, вложивъ въ наши сердца потребность молитвы и надежду на то, что Онъ услышитъ ее. „Богъ долженъ творить чудеса“, это значитъ: Онъ долженъ дѣйствовать сверхъ-естественнымъ образомъ. Иначе мы не можемъ ни любить, ни бояться Его, и Онъ скоро сдѣлается безразличнымъ для насъ.

Но если мы согласимся съ тѣмъ, что достойно Бога и даже само собой понятно, чтобы Онъ дѣйствовалъ сверхъ-естественнымъ образомъ, т. е. такъ, что, не любя, понять Его дѣйствія изъ естественнаго хода природной жизни, если мы допустимъ такимъ образомъ, что то, что называется пока не чудомъ, а соучастіемъ Бога въ мірѣ, есть вещь вполне разумная, то ужъ намъ нельзя больше говорить: это Богу возможно, а то нѣтъ, до такого то предѣла Онъ можетъ дойти, но никакъ не дальше. Можемъ ли мы, ничтожныя существа ставить Богу границы и говорить Его вѣчной любви, всемогуществу и премудрости: „Столько Ты можешь, а дальше Твоя власть не можетъ простираться“?

Въ чемъ разница по существу—между исполненной просьбы чрезъпосредство молитвы, хлѣбомъ, ниспосланнымъ голодному руками добраго человѣка, и чудомъ обращенія камня въ хлѣбъ? Разницы нѣтъ.

Что для насъ сверхъестественно, для Бога вполне естественно; что чудо для земли, то „сама природа въ небесахъ“ (Функе. „Школа жизни“).

„Чудесъ нѣтъ“, это—правда. ибо *все*, творимое Богомъ, только *естественно*. „Неестественность“ чудесъ въ глазахъ людей, основавшихся на понятіи желѣзной законѣрности всѣхъ явленій

въ природѣ, станеть для насъ *естественностью* и *необходимостью*, если мы поймемъ, что въ каждомъ чудѣ—*прикосновеніе къ жизни Творца жизни*. Жива по прежнему, безконечна и могущественна, какъ и въ дни *творенія*, полна любви сила Бога Всѣхъ Силь, и чѣмъ загадочнѣе, невозможнѣе кажется каждое чудо, тѣмъ больше въ немъ *правды Божіей*, милующей, спасающей, безмѣрно возлюбившей человѣчество. Да и самый міръ необъятный, разгаданный только въ ближайшей, поверхностной и меньшей долѣ,—не весь ли онъ *чудо и тайна*? (Апокрекръ).

Чудо не противно разуму. Будеть ли чудо, если взрослый человѣкъ остановитъ рукой своей камень, падающій съ крыши и угрожающій смертію ребенку, который играетъ около дома, съ котораго упалъ камень? Тутъ нѣтъ чуда. Тутъ все естественно. Если, положимъ, тотъ же камень остановила не человѣческая рука, а рука божественная, то что же тутъ неприемлимаго, разъ допущено, что Богъ можетъ простирать свою руку и можетъ оказывать помощь въ отвѣтъ на молитву? Тутъ не было бы никакого нарушенія законовъ, потому что вѣдь не нарушаетъ законъ природы человѣкъ, который своей рукой останавливаетъ камень, падающій по законамъ тяготѣнія.

Принимая живого Бога, повторимъ, мы обязаны принять чудо.

Но можетъ быть васъ даже болѣе, чѣмъ эта сторона Библии, смущаетъ то, что указалъ проф. Ковалевскій—или ветхозавѣтная мораль.

На это я скажу слѣдующее. Библия чистая грубоотеческая книга. Она смотритъ на людей съ безпристрастіемъ и холодностью судей. И потому библия—вовсе не хочетъ, что нибудь скрывать—что нибудь прикрашивать. У насъ законоучители частенько стараются исправить библию—грязное представить чистымъ—Они пожалуй склонны и обманъ Іакова представить святымъ дѣломъ, и дѣло Іуду съ Ѡмарью представить праведнымъ. Но вѣдь въ этой лжи не повинна Библия.

Она чиста и не выдаетъ грѣхъ за добродѣтель.

Во всякомъ случаѣ—при чтеніи святой книги—если что смутитъ васъ не торопитесь осуждать.

„Представьте себѣ, что если въ васъ пробудилась духовная жажда, не смущайтесь этими „соблазнами“ какія встрѣтятся на дорогѣ.

„Представьте путника, который умираеть отъ жажды въ пустынь и вдругъ находитъ источникъ, пишетъ Арх. Михаилъ.

Вода чистая, на поверхности источника сухіе листья. Неужели онъ бросить его и отойдетъ? Нѣтъ, онъ сдуетъ листья.

То же сдѣлайте пока и вы, не замѣчайте того, что вамъ кажется пока сухими листьями, и пейте.

„Пусть у васъ остается еще много неразрѣшенныхъ сомнѣній, пусть въ нѣкоторыхъ библейскихъ книгахъ вы не находите назидательнаго для себя, пусть относительно нѣкоторыхъ библейскихъ рассказовъ вы говорите еще, „это для меня совсѣмъ темно, я отказываюсь понять, согласиться съ этимъ я теперь никакъ не могу“. Все то ничто въ сравненіи съ главнымъ: высшая имущая сторона вашей души найдетъ здѣсь свою опору, ея не будетъ въ состояніи колебать никакая критика.

„Если человѣкъ съ сомнѣвающейся, но жаждущей душой, будетъ продолжать читать, для него снимется печать съ священныя книгъ, „темная Библия“ станетъ мало по малу свѣтлой, открытой книгой. Онъ почувствуетъ сейчасъ же сильную внутреннюю симпатію къ писателямъ священныя книгъ. И тысячи изреченій, казавшихся темными до сихъ поръ, предстанутъ ему въ чудномъ, ослѣпительномъ блескѣ, подобно драгоценнымъ камнямъ, которые мутны въ тѣни и выказываютъ неожиданное великолѣпіе, едва мы повернемъ ихъ къ солнцу. Такой человѣкъ станетъ читать въ Библии между строкъ и открывать тамъ дивныя вещи, и все, что прежде для него казалось безсвязнымъ, гармонически сольется для него воедино; масса странныхъ, повидимому безтолковыхъ рассказовъ, сравненій, образовъ, обратятся сначала въ предчувствіе, а потомъ все яснѣе и яснѣе для разума въ глубокія истины, облеченныя небесной силой и проливающія намъ свѣтъ, утѣшеніе и миръ. И сухіе листья исчезнутъ“. (Арх. Мих. „Къ водѣ живой“).

Нужно умѣть читать откровеніе, чтобы оно дѣйствительно было откровеніемъ. Положительно удивительно до какой степени убогимъ можно представить содержаніе вѣчной книги—если читать ее предубежденно.

Насколько глубже св. Библия того содержанія, какое вкладываютъ въ нее ея критики—показываетъ напр. маленькое сравненіе библии съ тѣми комментаріями, какія дѣлаетъ на нее Л. Н. Толстой.

Библия вредная книга, говоритъ онъ, и далѣе излагаетъ ея содержаніе.

Но какъ излагаетъ. Изложеніе, предложенное имъ поучи-

тельна потому я думаю, его мысли были мыслями многихъ, кто хотѣлъ отнестись къ святой книгѣ съ должной серьезностью

Библия начинается разсказомъ о паденіи первыхъ людей. Это глубоко-мистическій разсказъ. Это событіе паденія—нарушеніе заповѣди о деревѣ познанія добра и зла должно бы казаться очень глубокимъ именно съ точки зрѣнія Л. Н-ча. Здѣсь люди, забывши о Богѣ и своей душѣ, захотѣли приписать какую-то чудодѣйственную силу дереву, т. е. внѣшнему міру, впали въ грѣхъ идолопоклонства предъ міромъ и силою міра отошли отъ единства съ Богомъ въ преклоненіи предъ благами внѣшней жизни и своимъ „я“. И что же? Въ его передачѣ это событіе состоитъ только въ томъ, что люди съѣли *отъ запрещеннаго плода яблока, имѣющаго будто волшебную силу давать могущество.*

Кто же виноватъ въ этомъ мѣщанствѣ пониманія?

Не книга же?

Библейскій разсказъ о томъ, что люди, согрѣшивъ, внесли разложеніе во весь міръ, разрушили грѣхомъ и хищничествомъ плодородіе земли, внесли хищничества и въ среду звѣрей, которые раньше слушались ихъ, развратили ихъ,—о томъ, что люди, въ цѣляхъ ихъ воспитанія, осуждены на трудъ воздѣлованія земли, производящей вмѣсто хлѣба терніе и волчцы,—на длинный „Путь спасающей скорби“ (*via dolorosa*), въ передачѣ Л. Н-ча становится страннымъ разсказомъ о томъ, будто за грѣхъ первыхъ людей стали на землѣ расти *дурныя травы*, какихъ прежде не было (?).

Повидимому правда въ вѣтхомъ завѣтѣ есть темныя мѣста о казни Божіей надъ Дафаномъ и Авирономъ, о умерщвленіи Агага и т. д. Законъ „око за око“, образъ Бога суроваго имстительнаго. Нельзя не признать ихъ развращающими и вредными. Многіе думаютъ такъ. Но вотъ, недавно умеръ человекъ, котораго называли пророкомъ своего времени. Человекъ этотъ—извѣстенъ, Джонъ Рескинъ.

Онъ воспитался подъ вліяніемъ Библии, выросъ на Библии. „Свѣтъ ветхаго и новаго завѣта освѣщаетъ не только горныя вершины дѣлъ его и мыслей, но пронизываетъ всю его дѣятельность“, все, что онъ написалъ и сказалъ, носитъ на себѣ отблескъ библейскаго свѣта“.

И вотъ этотъ Джонъ Рескинъ сумѣлъ бы отвѣтить всѣмъ отрицателямъ Библии на ихъ сомнѣнія, на его толкованія ветхаго завѣта.

Ветхій завѣтъ, будто бы, даетъ предславленіе о Богѣ только

какъ о мстителѣ, не о Богѣ любви, а о Богѣ, Который позволяеть убійство по суду и на войнѣ, любить только одинъ народъ и ненавидить другіе. Рескинъ прежде всего указаль бы на Моисея, который въ одну минуту, когда Богъ хотѣль положить руку свою на Израиля, сказалъ Богу „лучше вычеркни меня изъ книги живота, если не можешь помиловать этотъ народъ“. Развѣ не понятенъ смыслъ этого противопоставленія Моисея Богу? Неужели рассказчикъ хотѣль сказать, что человекъ Моисей въ данномъ случаѣ былъ добрѣе и больше своего Бога? Нѣтъ, если слуга Моисей любилъ народъ свой до самопожертвованія и заставилъ Бога отложить кару, то еще больше любить и больше жалѣть народъ свой и Тотъ Богъ, Который избралъ Моисея своимъ прокомъ и служителемъ, Который это ходатайство Моисея за народъ — этотъ бунтъ — благословилъ, прославилъ, оцѣнилъ, какъ святой подвигъ въ очахъ Его.

И Библия, если прочить ее чуть внимательно, не даетъ со всѣмъ представленія о „Богѣ, дышащемъ огнемъ и мстительномъ до третьяго колѣна“.

Если же въ ветхомъ завѣтѣ найдется кое-что возбуждающее нравственныя сомнѣнія, въ родѣ закона „око за око“, въ родѣ казней, которыя какъ будто исходятъ отъ Самаго Бога, то вѣдь нужно помнить отношеніе не только новаго завѣта, но и ветхаго (въ писаніяхъ пророковъ) къ этой морали ранняго времени. Нравственное ученіе Моисея,—законъ справедливости и не выдается за окончательный и послѣдній законъ Божій. Это законъ для невыросшаго еще жестоковаго Израиля, только первая ступень, имѣющая вести къ нему. Первая ступень возвышается надъ землей, и законъ справедливости, служеніе Богу хотя бы законническимъ обрядомъ были *подъемомъ для Израиля*. Но никто и никогда не говорилъ, что этотъ законъ есть истина абсолютная, послѣдняя, которая преподаётся Церковью какъ законъ дѣятельности для всѣхъ людей и въ Царствѣ Христовомъ. Рескинъ, который смотрѣль на Библию другими глазами, чѣмъ Толстой, находитъ, что въ Библии, даже во Второзаконіи, данъ весь общественный законъ, законъ общественныхъ отношеній въ первой ея половинѣ, законъ справедливости и христіанство должно было прибавить только другую половину, болѣе великую — законъ любви.

Впрочемъ впечатлѣніе, произведенное библией на Толстого и многихъ другихъ, вполне естественно. У нихъ не было глазъ чтобы читать эту книгу.

Святую книгу повторяю нужно умѣть читать.

Эта книга совѣсти—и читать ее нужно совѣстью.

Есть три способа читать книгу: можно читать ее для того чтобы подвергнуть ее критической оцѣнкѣ; можно читать, ища въ ней услажденія чувства и воображенія и наконецъ можно читать, для того, чтобы усовершенствоваться. Это и значить читать совѣстью.

И именно такъ только и можно читать библию, особенно Евангеліе. Только тогда для читающаго открываются во всей широтѣ и полнотѣ ея содержаніе.

„Избави Богъ читать библию, какъ газету. Слово Божіе нужно не только читать, пишетъ одинъ иностранный проповѣдникъ, но и прислушиваться къ нему, какъ прислушивается сынъ къ угасающимъ словамъ умирающаго отца. И не иначе, говоря словами датчанина Кикергарда, можетъ быть менѣ красивыми, но болѣе ясными „слово Божіе должно читать, какъ читаетъ невѣста письмо любимаго человѣка изъ чужой страны“. Она не довольствуется тѣмъ, что поверхностно усвоить содержаніе этого письма. Нѣтъ, она черезъ слово проникнетъ въ смыслъ, въ тайныя мысли и намѣренія писавшаго; она проникнетъ въ ту атмосферу, изъ которой вышло письмо. Изъ-за словъ она слышитъ голосъ любимаго. Она даже наконецъ, видитъ его. Слова оживаютъ. Они служатъ живою связью между обоими и черезъ нихъ двѣ души соединяются въ живой бесѣдѣ“.

„Кто хочетъ понять сверхъ-естественное, говоритъ Функе, долженъ имѣть и органъ чувства для сверхъ естественнаго, кто хочетъ понять сказанное Богомъ, долженъ быть настроенъ къ Божественному, т. е., долженъ по крайней мѣрѣ устремить всѣ чувства свои къ Богу. Кто хочетъ понимать и судить о томъ, что авторы библейскихъ книгъ говорятъ о своихъ отношеніяхъ къ Богу, о потребностяхъ своего сердца, о своихъ опасеніяхъ и надеждахъ, тотъ долженъ сначала чувствовать подобно имъ долженъ быть одушевленъ тѣмъ же духомъ, какъ они, усвоить ихъ настроеніе.“

Но въ чемъ же суть этого настроенія?

Кажется, его хорошо опредѣлилъ Бенгель: „Библия написана слезами покаянія“.

Въ самомъ дѣлѣ, поглядимъ на перваго изъ библейскихъ писателей, на Моисея, человѣка, который представляется намъ наиболѣе измученнымъ изъ всѣхъ людей; какой глубокой вздохъ проходитъ черезъ всю его жизнь. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ

на службу Іегеовы, онъ не видалъ, говоря языкомъ человѣческимъ, ни одного праздника въ жизни.

У него не было среди всѣхъ бурь, униженій и искушеній его подвижной жизни, не было другого свѣта, кромѣ того, который, освѣщаль его путь сверху, другой помощи, утѣхи и радости, кромѣ такой: „Господи Боже мой, Ты всегда мое прибѣжище“.—Или поглядимъ на послѣдняго изъ писателей, на Іоанна. Гдѣ писалъ онъ свои строки? На пустынныхъ скалахъ Патмоса среди волнующагося, шумящаго моря, куда онъ какъ соръ земли, былъ выброшенъ изъ общества людей. Когда онъ такимъ образомъ былъ всѣми и совершенно покинутъ, тогда отверзлись его очамъ полнымъ слезъ, и истомленному его сердцу врата вѣчности; тогда узрѣлъ онъ вещи, которыя, конечно, только смѣшны для тѣхъ, кто похоронилъ себя во прахѣ земномъ. Не иначе было и съ другими авторами библейскихъ книгъ. Напомнимъ только мимоходомъ судьбы Іова, Давыда, Іереміи, Іезекіиля, Даніилы, Ездры, Нееміи, и жизнь апостола Павла, писателя большей части новозавѣтныхъ книгъ.

Короче говоря, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Библия написана великими крестоносцами и со многими слезами, и если о всѣхъ святыхъ Божіихъ можно сказать, что они были странники и пришельцы на землѣ, то относительно этихъ особенно. Тотъ же духъ вѣчности, которымъ написана Библия, нуженъ и для того, чтобы ее вѣрно понимать.

Средство, которое открываетъ глаза, чтобы правильно читать слово Божіе, очевидно тѣ же слезы истиннаго сокрушенія о жизни по Богѣ. Однѣ только эти слезы снимаютъ печать,—которою для каждаго обыкновеннаго человѣка, будь то богословъ или простой мужикъ,—запечатано Священное Писаніе. Надъ этими слезами паритъ Святой Духъ Божій, тутъ Онъ начинаетъ сведѣло и открываетъ сущность и мысль о всепрощеніи Вѣчнаго Бога.

Безъ такого настроенія читающаго писаніе, оно остается прекраснымъ инструментомъ, въ которомъ дремлютъ тысячи и тысячи мелодій, но на которомъ не умѣетъ играть тотъ, кто его держитъ въ рукахъ. „Зеркало слегка тускнѣетъ отъ вздоха, но зеркало души отъ вадоха проясняется“ (Руккэртъ).

Вы прочитали, читаете, старались читать совѣстью и всетаки душа ваша холодна: Чтоже, возможно и это и всетаки не оставляете святой книги.

Я напомню одинъ рассказъ изъ прошлаго.

Одинъ еврей, невинно заключенный въ темницу, отъ скуки попросилъ почитать какую нибудь книгу. Ему вѣроятно, въ насмѣшку, подали Евангеліе. Взглянувъ на заглавіе, еврей бросилъ въ уголь книгу; но мучимый не сносною тоскою, онъ, наконецъ, взялъ Евангеліе и сталъ читать. Прочтя разъ его и второй разъ а, наконецъ, и третій: что-то не объяснимое влекло его къ чтенію. И вотъ въ душе его блеснулъ свѣтъ, вѣры: онъ окончательно убѣдился въ истинѣ христіанскаго ученія. Въ его тюрьмѣ стало свѣтло.

Навѣрное и вамъ бываетъ темно—въ этомъ тускломъ мірѣ.

Страшно становится передъ жизнью такъ читайте какъ этотъ еврей упрямо и два и три раза.

Пока не станеть свѣтло въ тюрьмѣ не откроется. что такое жизнь и въ чемъ ея смыслъ.

Особенность святой книги въ томъ, что содержаніе ее настолько глубоко, что она не можетъ сразу открыться въ душѣ во всемъ ея сіяніи.

II.

О безсмертіи души.

Вопросъ „безсмертна ли душа“—коренной вопросъ жизни. Можно даже сказать безъ всякихъ колебаній, что это первый—наиболѣе важный вопросъ сознанія.

Допустите вы одну эту истину—признайте безсмертіе вашего духа и отсюда какъ изъ клубка,—вы разовьете всю систему *вѣры*.

Ваша душа безсмертна—слѣдовательно есть—нѣчто выше матеріи, есть значить и высшія духовныя сознанія—міръ духовъ—есть и Абсолютное сознаніе—Богъ и т. д. и т. д.

Но правда ли, что душа человѣка безсмертна? Говорятъ иногда, что душа, мысль—только результатъ работы мозга, что она умираетъ одновременно съ разрушеніемъ тѣла и только.

Прежде всего скажу, какъ въ первой бесѣдѣ: „*не торопитесь отрицать*“. Было время, когда ученые напр.: думали—что неорганическая клѣточка можетъ перейти въ органическую—въ условіяхъ здѣшней жизни. Т. е. вѣрили, что изъ камня можетъ родиться живая жизнь. Теперь они отказались отъ этой мысли—рѣшительно и безусловно.

Точно такъ же какія нибудь 50 лѣтъ—они рѣшительно утверждали, что человѣкъ „*есть то, что онъ есть*“, что его мысль—фосфоръ мозга и только.

Эта религія матеріализма—какъ извѣстно неокрѣпла, а на оборотъ, потеряла свой престижъ—развяла окончательно.

И можетъ быть наука близка не къ прежнему отрицанію души, а наоборотъ къ признанію.

Какъ близко это время, увидимъ—въ концѣ бесѣды—а теперь посмотримъ, есть ли основаніе думать, что душа есть, есть ли основаніе признавать—два начала жизни въ человѣкѣ: тѣло и душу.

Необходимость—такого признанія прежде всего высказывается изъ простаго самонаблюденія.

Въ человѣкѣ, есть стремленіе въ высь, къ Безконечному, къ звѣздамъ. Онъ считаетъ себя свободнымъ, онъ ставитъ себѣ задачу безпредѣльнаго совершенствованія.

Откуда мотли родиться въ немъ эти стремленія.

Опытъ жизни, не могъ родитъ ихъ. Въ фактѣ своей земной жизни человѣкъ, не только не свободенъ „но рабъ праха“ игрушка внѣшнихъ условій. Въ опытѣ жизни человѣкъ, только плоть“, земля, только грязь и если онъ всетаки чувствуетъ „долгъ“, движенія къ безконечному, чувствуетъ въ себѣ „искру Абсолютнаго“, то это можно объяснить только тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ, его душа, есть дыханіе вѣчнаго Бога, частица Божества.

Такъ думаетъ проф. Несмѣловъ.

Мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателей не другую сторону вопроса.

Извѣстно ли читателямъ, что такое называется телепатія.

Телепатія есть, воздѣйствіе одной человѣческой души на другую.

Есть китайская сказка о томъ, какъ мать и сынъ переговаривались, на разстояніи многихъ верстъ... Если мнѣ тебя будетъ нужно я уколю палець, и ты почувствуешь боль въ сердце и придешь. Такъ и было. Сынъ за сотни верстъ чувствовалъ *уколь*.

Въ этой сказкѣ, не все выдумка. Оказывается, дѣйствительно возможно воздѣйствіе одного сознанія на другое на разстояніи. Можно пересылать сною мысль, свое желаніе по беспроволочному телеграфу за сотни верстъ. Явленія этого рода, изучилъ между прочимъ, знаменитый физикъ Круксъ и знаменитый біологъ Уоллесъ.

Извѣстный Фламарионъ, собралъ до 1000 фактовъ—явленія умирающихъ ихъ близкимъ.

Въ курсахъ психологіи записаны факты необычайныхъ предчувствій, сновидѣній и т. д.

Словомъ то, надъ чѣмъ 30 лѣтъ назадъ смѣялись, какъ надъ бредомъ, суевѣріемъ, теперь признается фактомъ. Но очевидно, что если такія явленія возможны, то душа человѣческая—сознаніе есть нѣчто большее, чѣмъ „матерія“, фосфоръ въ корѣ большого мозга.

Челпановъ въ „Мірѣ Божіемъ“ лѣтъ 6 назадъ печаталъ интересныя статьи. Тамъ онъ доказывалъ, что каждый безъ исключенія человѣкъ въ извѣстной мѣрѣ, можетъ *читать мысли*, другого человѣка.

Онъ рассказываетъ тамъ удивительные случаи, такъ сказать уничтоженія матеріи.

Человѣкъ подъ вліяніемъ внушенія, видитъ то, чего нѣтъ, умираетъ, какъ отъ отравленія, выпивши простую воду, которую ему выдали за ядъ и пр.

Въ протоколахъ Экспериментально психологическаго общества при Моск. универс. напечатанныхъ въ приложеніи къ журналу „Вопр. физ. и псих.“ рассказывается опытъ надъ Тамбовской крестьянской дѣвушкой 18 лѣтъ.

Ей давали конвертъ. Конвертъ былъ тройной, внутри конверта былъ другой полотняный, затѣмъ третій, и въ немъ „отче нашъ“ по латыни.

Дѣвушка съ усиліемъ мнетъ конвертъ, точно хочетъ его разорвать и затѣмъ читаетъ: *Pater noster* и т. д.

Всѣ эти факты говорятъ, повидимому за то, что скорѣе существованіе матеріи сомнительно, что духъ можетъ претворить воду въ ядъ, что вообще въ человѣкѣ есть начало далеко не переводимое на понятіе матеріи, повелѣвающее матерій.

Впрочемъ для рѣшенія нашего вопроса, есть еще и иной путь.

Фактъ тотъ, что въ человѣкѣ есть то, что зовется мыслью, чувствованіями, волей.

Все это вмѣстѣ есть то, что мы зовемъ душой.

И вотъ спрашиваемъ себя: уничтожима-ли эта сила волящая, чувствующая, познающая.

Мы должны вѣрить, признавать, что душа безсмертна прежде всего *по нравственному мотиву*.

Это такъ называемое нравственное Каитовское доказательство безсмертія.

Его можно свести къ такому положенію Достоевскаго. „Мы хотимъ безсмертія, значить оно есть“. „Безъ убѣжденія въ своемъ безсмертіи,—скажемъ мы слова *Θ. М.*—связи человѣка съ землей обрываются, становятся тоньше, гнилѣе, а потеря высшаго смысла жизни (ощущаемой хотя бы лишь въ видѣ безсознательной тоски) несомнѣнно ведетъ за собой самоубійство“. Но отсюда и обратное нравоученіе: „Если убѣжденіе въ безсмертіи такъ необходимо для бытія человѣческаю, то, стало быть, оно есть нормальное состояніе человѣчества, а коли такъ, то и самое безсмертіе души человѣческой существуетъ несомнѣнно“.

Раскроемъ эту мысль Достоевскаго проще.

Можно понимать жизнь по эпикурейски: „будетъ ѣсть и пить—завтра умремъ“.

Такая жизнь себялюбивыхъ хищниковъ, конечно возможна и безъ вѣры въ безсмертіе.

Но вѣдь такая жизнь безъ высшаго смысла, не можетъ подерживать человѣка долго.

Оскудѣетъ кубокъ „наслажденій“, испробуетъ человѣкъ всѣ виды вина“, и тогда кубокъ обь полъ—самоубійство.

А если онъ и будетъ жить человѣкъ, можно ли назвать это жизнью.

Другая жизнь, осмысленная, общественно—альтруистическая жизнь для другого, борьба за общую жизнь, за счастье всѣхъ. Но эта жизнь. не мыслима безъ вѣры въ безсмертіе.

Только тогда человѣкъ можетъ энергично и дѣятельно работать, созидать жизнь, работать надъ увеличеніемъ счастья на землѣ, когда онъ увѣренъ, что наступитъ время, когда и онъ будетъ кричать „осанну“ будущему обновленному міру, когда онъ увѣренъ, что приобрѣтенное человѣчествомъ богатство, не разсѣется прахомъ въ будущемъ, когда нибудь съ погибелью міра.

Человѣка можно любить, можно любить его будущее только тогда, когда вѣришь, что человѣкъ вѣченъ, духъ его безсмертенъ, что въ будущемъ, когда отъ земли не останется и сальнаго пятна, не погибнетъ человѣкъ, сокровища духа, которыя приобрѣтеть человѣчество.

Если же нѣтъ безсмертія, то любовь къ міру человѣку, бессмылица.

Связи съ землею и человѣкомъ, необходимо становятся гни-
лѣе и тоньше.

„Неотразимое убежденіе въ томъ, что жизнь человѣчества,
въ сущности такой же мигъ, какъ и моя собственная, и что на
завтра же, по достиженіи „гармоніи“ (если только вѣрить, что
мечта эта достижима), человѣчество обратится въ тотъ же *нуль*,
какъ и я, силою косныхъ законовъ природы, да еще послѣ столь-
кихъ страданій, вынесенныхъ въ достиженіи этой мечты,—эта
мысль возмущаетъ мой духъ окончательно, *именно изъ за любви*
къ человечеству возмущаетъ, оскорбляетъ за все человѣчество и по
„закону отраженія идей убиваетъ во мнѣ даже самую любовь къ
человѣчеству“.

Нельзя любить смертное, нелѣпое, пошлое человѣчество,
которое и существуетъ безсмысленно. Любовь къ людямъ *не-*
понятна и совсѣмъ невозможна безъ совместной вѣры въ безсмертіе
души человеческой.

Конечно въ такомъ нравственномъ доказательствѣ есть сила
убѣдительности, но только для развитія нравственного сознанія.
Для людей земли, они должны быть чѣмъ нибудь дополнены.

Другое доказательство, доказательство безсмертія будетъ бо-
лѣе убѣдительно и научно.

Мы уже сказали, что безсмертіе души, требуется какъ вы-
водъ изъ закона сокращенія энергіи.

Мысль есть форма энергіи.—Если даже разсуждать чисто
матеріалистически, на все на работу мысли, затрачена масса, чис-
то паровой энергіи, крови, питанія, фосфору говоря словами Фак-
та и Бюхнера.

Пусть вся эта работа мысли, изъ фосфора, но куда вся эта
энергія дѣнется послѣ смерти, въ какой формѣ мы будемъ имѣть
ту форму энергіи, какую мы зовемъ душой? Изъ лозы положимъ
вырастить лопухъ какъ говоритъ Базаровъ, но значить матерія
не пропадетъ но энергія вся та сила, сумма духовнаго движенія
какое ушло на работу мысли?

20 лѣтъ напр. человѣкъ сидитъ въ тюрьмѣ. Его мысль ра-
ботаетъ. Онъ создалъ цѣлыя системы міропониманія Умеръ и все?
Но рѣзвъ это соотвѣтствуетъ закону сохраненія энергіи?

Вѣдь значить погибла, вся даже матеріальная сила, которая
пошла на питаніе мозга. Это нелѣпость и единственный выходъ
изъ этой нелѣпости признать, *что мысль чловѣка, душа его не ги-*
бнетъ—и послѣ „бѣлы“ тѣла.

И вотъ мы очень рады сказать, что наука послѣднихъ дней приходитъ именно къ мысли, что душа даже съ точки зрѣнія чисто научной даже отрицательной, можетъ быть признана не разрушимой.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ глубоко интересной научной теоріей.

Впередъ оговоримся, что указанная теорія не нужна для людей не враждебныхъ вѣрѣ: для этихъ людей лучше доказательство собственнй молитвенный опытъ; опытъ святыхъ, которые въ своей душѣ видѣли Бога лицомъ къ лицу, наконецъ жизнь тѣхъ, которые въ сущности на землѣ точно не имѣли тѣла отрицали его глубокоразвитой богатой жизнью души.

Мало того, для людей не враждебныхъ вѣрѣ, она даже прямо неприемлема, потому что исходитъ изъ мысли, что душа развилась эволюціонно, исторически, что души будто бы не было, когда то *но теперь она есть и безсмертна*.

Для невѣрующихъ именно послѣдней, конечно, ложной своей стороной—особенно убѣдительно эта ученая теорія. Даже люди не признающіе божественности души, приходятъ къ мысли, что она все таки *есть*, она *не слита съ теоріей мозга*, она можетъ жить отдѣльно отъ мозга, и даже будетъ жить, какъ особое бытіе всегда, *потому что безсмертна*.

Это удивительное признаніе и послѣ того, какъ мы слушаемъ аргументы ученыхъ, мы дополнимъ ихъ теоріи только одной фразой. Да вы правы, только не правы вы, что душа стала такой теперь эволюціонно.

Такая она была всегда—какъ дыханіе устъ Божіихъ. Интересную теорію безсмертія души, о которой мы говоримъ одновременно защищаютъ и независимо одинъ отъ другого. Проф. Джемсъ въ Англии, проф. Шиллеръ въ Германіи, проф. Арманъ Саббатъ во Франціи, все не богословы, а люди *невѣрующіе*.

Мысль ихъ идетъ такимъ путемъ.

„Мысль есть функція мозга“—говорилъ старый матеріализмъ и мы, говоритъ Джемсъ, торопимся сказать: согласны, да. Изъ этого положенія мы и будемъ исходить.

Положеніе истинно—только много-ли въ „томъ положеніи опаснаго для идеи „души и ея безсмертія“. Нѣтъ, немного. Ничего.

Мы согласны признать, что мысль—выдѣленіе мозга и въ тоже время вѣрять въ ея будущую жизнь.

„Я прошу васъ признать вмѣстѣ со мною—пишетъ профес-

сорь философіи въ Гарвардскомъ университетѣ В. Джемсъ—великую психо-физиологическую формулу: *мысль есть функція мозга*. Теперь вопросъ въ томъ: принуждаетъ-ли насъ логически эта доктрина отвергнуть вѣру въ безсмертіе? Заставляетъ-ли она всякаго здраваго мыслителя жертвовать надеждами на загробную жизнь потому, что онъ считаетъ долгомъ принять всѣ послѣдствія научной истины?... Я долженъ показать вамъ, что роковое заключеніе не является обязательнымъ выводомъ, какъ обыкновенно воображаютъ, и что даже если наша душевная жизнь (въ томъ видѣ, въ какомъ она проявляется предъ нами) представляетъ въ строго точности функцію мозга, подверженнаго смерти, отсюда все-таки не слѣдуетъ, что жизнь не можетъ продолжаться даже послѣ смерти мозга; я хочу показать, что это, напротивъ, исполнѣ возможно.

Мысль является функціей мозга,—пусть будетъ такъ, но вопросъ въ томъ, *какой функціей?* Мозгъ можно разсматривать или какъ производящую причину мысли, или какъ одно изъ условій для проявленія во внѣ той мысли, которая уже существуетъ независимо отъ мозга.

Когда Физиологъ, полагающій, что наука его разбиваетъ всякую надежду на безсмертіе, говорить: „Мысль есть функція мозга“, о нъ смотритъ на фактъ совершенно также, какъ когда онъ говорить: „Паръ есть функція чайника, свѣтъ есть дѣйствіе электрическаго тока“.—Но научно думать, что мысль находится къ мозгу въ такихъ отношеніяхъ, какъ свѣтъ къ электрическому току, совершенно не научно.

Такимъ образомъ научно о мысли можно утверждать только одно: то, что за извѣстнымъ мозговымъ процессомъ слѣдуетъ извѣстное впечатлѣніе, извѣстное состояніе сознанія. Но можно-ли, стоя на научной почвѣ, сказать, что мозгъ и порождаетъ сознаніе? что сознаніе существуетъ лишь по стольку, поскольку на лицо имѣется мозгъ?

Но тогда, къ какому-же времени нужно относить появленіе сознанія? И какъ представлять самое его появленіе? Гдѣ именно здѣсь предыдущее и послѣдующее, которыя необходимо требуются точною наукою? „Спросите какое-нибудь указаніе относительно точнаго процесса рожденіе мысли и наука признаетъ себя безсильной отвѣтить вамъ. Она не можетъ даже ни пролить малѣйшаго свѣта на предметъ, ни дать вамъ малѣйшее предположеніе или догадку. У нея даже нѣтъ по этому поводу ни плохой метафоры, ни игры словъ. Не знаетъ, не будетъ знать Igno

gamus Ignorabimus—вотъ что скажетъ въ этомъ случаѣ большинство фізіологовъ словами одного изъ нихъ. „Появленіе сознанія въ мозгу,—отвѣтятъ они, какъ отвѣтилъ когда то покойный профессоръ фізіологіи въ Берлинѣ,—есть абсолютная міровая догадка, нѣчто до того парадоксальное и ненормальное, что въ этомъ явленіи можно видѣть камень преткновенія для природы, которая въ этомъ почти противорѣчитъ самой себѣ. Относительно способа образованія пара въ чайникѣ мы имѣемъ извѣстныя понятія, на которыхъ и строимъ предположенія, такъ какъ переменныя части физически однородны, и мы легко можемъ себѣ представить, что здѣсь идетъ дѣло лишь о видоизмѣненныхъ молекулярныхъ движеній. Но, при образованіи сознанія въ мозгу переменныя члены разнородны по природѣ и въ предѣлахъ нашего разума это явленіе представляетъ такое-же большое чудо, какъ если-бы мы сказали, что мысль „порождается самопроизвольно“ или „создается изъ ничего“ *).

Мозгъ только аккумуляторъ мысли—не больше.

Аккумуляторъ? Конечно, мои читатели знаютъ, что такое аккумуляторъ.

Аккумуляторъ есть матерія, вещество, приборъ, органъ, способный получить извнѣ и собирать, накоплять нѣкоторыя силы, нѣкоторыя вещества, нѣкоторые продукты для того, чтобы расходовать ихъ потомъ болѣе или менѣе медленно и въ извѣстныхъ условіяхъ. Аккумуляторъ не созидаетъ, онъ лишь накопляетъ то, что получается имъ извнѣ.

Я приведу примѣры для иллюстраціи этого опредѣленія.

Простая пружина есть аккумуляторъ движенія: когда ее натягиваютъ, она собираетъ и хранитъ силу потраченную на ея натяженіе, а потомъ можетъ ее снова возвратитъ быстро или медленно смотря по условіямъ. при которыхъ она приходитъ въ первоначальное состояніе. Часовая пружина представляетъ собою всѣмъ извѣстный и яркій примѣръ указаннаго факта: она собираетъ и хранитъ упругую силу, сообщаемую ей въ извѣстное время рукою того, кто ее заводитъ, и, благодаря механизму, употребляемому для ея спуска, возвращаетъ накопленное ею движеніе въ продолженіе болѣе или менѣе долгаго промежутка времени. Если спускъ пружины произошелъ вдругъ, а не распределенъ на большой промежутокъ времени, то сила возвращается быстро и вся заразъ.

*) Джемсъ 22—23.

Электричество точно также можетъ быть аккумуляровано на обширныхъ металлическихъ поверхностяхъ, какъ на примѣръ на цилиндрахъ электрическихъ машинъ, или на электрическихъ конденсаторахъ, въ собственномъ смыслѣ, или въ аккумуляторахъ, гдѣ оно собирается и сгущается вслѣдствіе соединенія свинца съ кислородомъ воды, а потомъ выдѣляется, благодаря разложенію окиси свинца,

Въ растеніяхъ есть одно вещество, играющее замѣчательную роль, аккумулятора углерода; это хлорофилъ, который извлекая углеродъ изъ находящейся въ атмосферѣ углекислоты соединенія углерода съ кислородомъ, аккумулируетъ его въ растеніи въ формѣ клѣтчатки, древесины, крахмала и т. п., этотъ углеродъ увлекаемый растительными соками, отлагается въ различныхъ частяхъ растенія. Но въ тоже время хлорофилъ служитъ аккумуляторомъ теплоты и солнечнаго свѣта, потому что, производя свою преобразовательную работу, онъ поглощаетъ солнечную теплоту для того чтобы потомъ выдѣлить ее, какъ топливо нашихъ печей.

Такимъ аккумуляторомъ мысли является мозгъ.

Итакъ, говоря упрощено, мы представляемъ матерію мозга своего рода фонограммой, на которой, записана мелодія нашихъ мыслей, волевыхъ настроеній, чувствъ. Наши мысли не родились изъ мозга: онѣ перенесены со внѣ. Это элементы или готовыя психологическія волны, преданныя намъ міромъ (щущенія) или другими духовными сознаніями. (Болѣе сложныя психологическія волны).

Какого рода—спросимъ теперь—та сила, которая оставила свои борозды на фонограммѣ души?

Въ конденсаторѣ аккумулируется электричество. Въ магнитѣ тоже можетъ быть электричество въ незначительно измѣненной характеристикѣ... и т. д.

А здѣсь, очевидно, какая то новая сила, Безразлично, какъ, бы мы не назвали ее, но очевидно, что нельзя здѣсь даже натуралисту избрать названіе лучше прежняго...

„Духъ“.

Духъ, мысль—живущая въ мірѣ,—сотворила мозгъ, какъ свой органъ. Это великая аксіома, что функція создаетъ органъ а не органъ функцію т. е. работа производитъ другіе работы а не наоборотъ.

Но теперь снова вопросъ.

Пусть—сознаніе „душа“ только записано въ мозгу, какъ въ фонограммѣ. Слѣдуетъ-ли отсюда, что она будетъ жить.

Мозгъ уничтожается, фонограмма распадается и пропадетъ мелодія.

Можетъ быть, такъ?.. Или нѣтъ?

Умираетъ ли душа съ мозгомъ, если даже считать ее тѣсно связанной съ мозгомъ по своей природѣ и сущности?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ станетъ понятнѣе, когда выясняется вопросъ, что такое жизнь и что такое смерть организма, что значитъ умереть.

Жизнь на землѣ всякаго организма, какъ опредѣляетъ опытная наука, есть извѣстнаго рода соотношеніе его съ окружающей средой или, другими словами, приспособленіе организма къ окружающей его міру чѣмъ къ окружающей къ средѣ. т-е, чѣмъ успѣшнѣе онъ можетъ реагировать на всѣ воздѣйствія, и измѣненія на него со стороны внѣшнихъ силъ, тѣмъ жизнь его будетъ продолжительнѣе и спокойнѣе. Если-бы возможно было установить такое соотношеніе, при которомъ жизнь организма постоянно находилась-бы въ состояніи равновѣсія, организмъ былъ-бы безсмертенъ.

А смерть есть разрушеніе тѣхъ соотношеній организма съ окружающей его средой, подъ которыми только и возможно чувственное познаніе этого предмета человѣкомъ. По отношенію къ самому организму смерть означаетъ, что его уравниленность нарушена и она не можетъ уже болѣе противостоятъ разрушенію извѣстной связи между составляющими его элементами. По отношенію-же къ природѣ смерть отдѣльнаго организма означаетъ лишь новое перераспредѣленіе соотношеній между извѣстными силами и матеріей (такъ какъ наука признаетъ неуничтожаемость всего, что только существуетъ). Собственно смерти, какъ полнаго уничтоженія бытія,—нѣтъ и быть не можетъ—матерія ни уничтожается и энергія не умираетъ, для нея смерть лишь—новое перераспредѣленіе матеріи, или энергіи, новая связь между основными элементами жизни.

Но попробуемъ отсюда перейти къ мысли и сознанію.

1) Здѣсь опять на лицо *элементы сознанія* и ихъ извѣстное соотношеніе *съ средой*. Среда въ ближайшемъ смыслѣ есть матерія мозга.

2) *Элементы сознанія—научно, конечно—должно мыслить неуничтожаемыми, какъ и всякіе элементы.*

Если матеріальные элементы неуничтожаемы, то, очевидно, и духовные элементы человѣка, его душа не подлежатъ разруше-

нію и она, подобно „силамъ матеріи“, имѣеть полную возможность вступить въ иныя связи и соединенія, установить соотношенія съ другой средой, отличной отъ той, въ которой она была доселѣ.

3) Но отсюда и дальнѣйшій выводъ: естественно думать, что элементы сознанія будутъ стремиться встать въ болѣе тѣсное соотношеніе съ элементами однородными, или будутъ тяготѣть къ тому, чтобы сблизиться съ духовными сознаніями.

4) Это стремленіе и будетъ стремленіемъ души къ обособленію отъ элементовъ тѣла въ отдѣльное безсмертное существованіе.

„Безсмертіе“ и есть ни что иное какъ стремленіе души выйти изъ условій, которыя она по мѣрѣ развитія все болѣе переживаетъ, и войти въ сношеніе съ болѣе сродными средами съ духовными сознаніями“.

И такой переходъ духовнаго сознанія, духовныхъ элементовъ человѣка вполнѣ логиченъ, разуменъ необходимъ. Сродны ли мысли душѣ, матерія тѣлу. Нѣтъ.

Для человѣческаго духа гораздо естественнѣе находится во взаимоотношеніи съ духовною средою, чѣмъ матеріальною.

А слѣдовательно душа должна стремиться къ новымъ, такъ сказать, оболочкамъ. Въ тоже время мы знаемъ факты, когда организмъ вступалъ въ соотношеніе съ новой средой, не только не свойственной его природѣ, но даже совершенно чуждой. Если возможны новыя соотношенія съ несвойственной матеріальному тѣлу средой, то представляется рѣшительно непонятнымъ, почему новыя соотношенія съ родственной средой невозможны для духовной матеріи, для человѣческой души. „Эволюціонисты разсказываютъ намъ, что подъ вліяніемъ среды нѣкоторыя водяныя животныя приспособились къ жизни на землѣ. Нормально дыша жабрами, они въ результатѣ, въ награду за свои постоянныя усилія, дышатъ небеснымъ воздухомъ; усилія дѣлаемыя изъ поколѣнія въ поколѣніе, приобрѣтають постепенно свойство дышать легкими. Въ молодомъ организмѣ, согласно со старымъ типомъ, жабры все еще остается, какъ, напр., у головастика, но, по мѣрѣ наступленія зрѣлаго возраста, появляются настоящія легкія.

Жабры постепенно передають свою задачу органу болѣе развитому, а сами атрофируются и исчезаютъ, такъ что дыханіе у взрослыхъ совершается исключительно при помощи легкиихъ. Мы не утверждаемъ, что эти наблюденія вполнѣ доказательны, но люди, признающіе ихъ достовѣрность, могутъ-ли отрицать ихъ аналогію съ духовной жизнью и не признавать научность ученія

религій о перерожденіи. Можетъ-ли эволюціонистъ, допускающій перерожденія лягушки подъ вліянiямъ постоянного соотношенія съ новой средой, отрицать возможность пріобрѣтать душою способность молиться, этого дивнаго дыханія новой твари при ея постоянномъ соприкосновеніи съ атмосферой окружающей Бога? Развѣ этотъ переходъ отъ земнаго къ небесному болѣе таинствененъ, чѣмъ переходъ отъ жизни къ водѣ на землѣ? Развѣ эволюція должна остановить ея на органическихъ формахъ?

Но оставимъ въ сторонѣ эти отвлеченныя теоріи и возвратимся къ вопросу, не состоитъ-ли для души смерть именно въ томъ, что она разстается съ своей „сдѣшной средой“—мозгомъ, его матеріей, и можетъ-ли она найти себѣ иную форму бытія создать себѣ другой аккумуляторъ? Душа наша, ея жизнь, ставится въ независимость отъ этихъ фактовъ связи съ міромъ ощущеній, съ матеріаломъ, какой даютъ органы чувствъ и съ матеріей мозга. Спросимъ себя прежде всего насколько тѣсно связана жизнь души съ внѣшнимъ міромъ, съ органами чувствъ и ощущеніями? Далеко не абсолютно тѣсно. Возьмите жизнь во снѣ. Представьте герметически, закупоренною комнату, куда не проникаетъ свѣтъ и не доходятъ звуки. И вы увидите во снѣ картины свѣтоваго, зрительнаго характера.

Что это значитъ? А то, что значитъ мозгъ, можетъ жить независимо отъ притока новыхъ впечатлѣній. У него уже есть своя жизнь, запасная, сложенная изъ того, что онъ уже пріобрѣлъ. Если-бы можно было совсѣмъ прекратить къ нему доступъ ощущеній, поддерживая питанія мозга въ опредѣленной мѣрѣ, человѣкъ тогда жилъ-бы во снѣ и эта жизнь и въ сущности была-бы едва-ли менѣе реальна чѣмъ наша жизнь. Отсюда выводъ: духовная жизнь въ человѣкѣ, его мысль, творчество и т. д. могутъ продолжаться, если-бы даже его мозгъ былъ „освобожденъ“ отъ внѣшняго міра и его ощущеній.

Возможно-ли теперь освобожденіе мысли отъ мозга? Да, мыслимо, какъ возможно. Мыслимо, что душа человѣческая рядомъ съ временнымъ аккумуляторомъ мозгомъ имѣетъ или говоритъ другой, болѣе сложный, аккумуляторъ, который живетъ послѣ того, какъ первый умеръ. Фонограмма извѣтшала но, пока она старилась, мысль создала себѣ другую фонограмму сложнѣе и тоньше. Возьмите конденсаторъ или магнитъ. Сколько здѣсь дѣятелей, факторовъ или вѣрнѣе, фактовъ наблюденія. Ошибкою было-бы сказать, что здѣсь мы имѣемъ два „факта“, металлъ кон-

денсатора, электричество или желѣзо и магнетизмъ. Твердо стоитъ теорія, что электричество создаетъ себѣ въ конденсаторѣ или магнитѣ нѣчто третье, извѣстную среду, своего рода „Эфиръ“. Такого рода третье есть въ человѣкѣ. Сознаніе аккумулируясь въ мозгу, создаетъ или имѣетъ здѣсь свою среду, фонограмму. Въ фонограммѣ эта среда и есть душа. Она вѣчна. Сгруппируемъ аргументы. Не нужно забывать, что душа „группа“, а не сумма мыслей, чувствъ и т. д. Цѣпной червь состоитъ изъ ряда въ сущности совершенно самостоятельныхъ звеньевъ. Отдѣли одну другія части и не почувствуютъ и не узнаютъ. Но въ организмѣ болѣе сложномъ, всѣ части не разрывно связаны. Организмъ есть нѣчто крѣпко оцѣпленное въ своихъ элементахъ и жизнь одной клѣточки находить отзвукъ во всѣхъ, болѣзнь одной въ той или другой мѣрѣ болѣзнь всего организма. Душа есть организмъ. Здѣсь все связано. Отнимите часть мозга—душа не потеряетъ суммы своего содержанія и быстро вспомнить потерянные части мозга, а сумма идей—останется послѣ потери ни больше не меньше чѣмъ до.

Поврежденіе части мозга—потеря опредѣленной суммы клѣточекъ—не измѣняетъ сознанія, даже состава сознанія, не отнимаетъ ничего изъ суммы ея духовнаго богатства, такъ, что, очевидно, содержаніе каждой мозговой клѣточки, если можно такъ выразиться, связано и повторено въ другихъ клѣточкахъ и въ нихъ живутъ. Но если такъ, то, освободившись отъ мозга, психическіе элементы должны жить вмѣстѣ—въ группѣ.

Какъ?

Отвѣтимъ.

1) Душа—прочная группа мыслей, желаній чувствованій. Ея содержаніе связано связью неразрывной. Ея элементы не могутъ рассыпаться разбредись.

2) Эта прочная динамическая группа, комплексъ мыслей, чувствъ и т. д.,—пока связаны съ мозгомъ, но только пока, она въ мозгу, очевидно, имѣетъ свою форму, свою оболочку не такого осязательнаго характера, какъ матерія мозга.

Если-бы жизнь мысли была торжественна съ жизнью мозга, то единственной формой сообщенія мысли былъ-бы языкъ. Мозгъ не можетъ „выступать“ изъ себя и мысль, если она въ мозгу, чтобы передаться другому, должна сначала двинуть органы рѣчи или жести, чтобы слово или символъ передали мнѣ мысль.

Но мы имѣемъ факты дѣятельности мысли на разстояніи, факты воздѣйствія воли на волю черезъ пространство. Вдумай-

тесъ въ этотъ фактъ и вы придете къ заключенію, что духъ, имѣя другую среду, кромѣ мозга, по свойствамъ этой тонко-динамической, а не матеріальной среды, можетъ выступать вовнѣ, какъ волны, форма движенія, сила.

Соединяя обѣ мысли, мы и имѣемъ слѣдующее положеніе.

Такъ какъ мозгъ только внѣшняя фонограмма нашей „душевной“ мелодіи и для этой мелодіи есть уже другая форма воплощенія, то смерть мозга—не есть смерть души: а такъ какъ элементы духа связаны въ группы души, то и выражаясь помимо мозга, они будутъ существовать не какъ элементы, а какъ группа, какъ „душа“—личное сознание.

Возьму иллюстрацію, придавая ей пока значеніе поэтического образа, а не научной ссылки.

Извѣстны рассказы объ электрическихъ шарахъ... „Голубой шаръ—искра большой грозовой тучи скользнула по мачтѣ, опустилась внизъ, сія голубымъ сіяніемъ и вдругъ разразилась группой искръ“.

Какъ опредѣлить характеръ этого явленія?

Шаръ—это очевидно конденсаторъ электричества, но конденсаторъ не той матеріи, въ какой мы привыкли мыслить конденсаторъ. Это конденсаторъ неизвѣстной намъ структуры тончайшей, чѣмъ шаръ, электрической машины, или даже шаръ грозовой тучи.

Хочется сказать, что здѣсь нѣтъ собственно матеріи, а воплотилась въ чистомъ видѣ сила электричества.

Теперь, перейдя къ душѣ, мы имѣемъ: каждая клѣточка сознанія освобождается вмѣстѣ со всѣми другими въ группѣ и въ обстановкѣ той эфирной среды, которая стоитъ между мозгомъ и сознаниемъ.

А это значить, что душа освобождается въ группѣ въ видѣ „голубого шара эфирной среды“, послѣднія наши слова носятъ конечно, характеръ поэтической метафоры.

Переводя ее на языкъ всей статьи, получается скромное: „мысль имѣетъ кромѣ мозга второй аккумуляторъ“—душу.

„Я сравнилъ-бы—пишетъ Саббатъ—безсмертную личность, въ которой высшія проявленія подавлены и заглушены непортившимся и разлагающимся организмомъ съ куколкой насѣкомаго, подъ неподвижной и не гибкой оболочкой, которой образуется уже новый мускульный аппаратъ—обреченный въ теченіе нѣкотораго времени на неподвижности—органы новыхъ чувствъ, но-

вый пищевой аппаратъ новая система дыхательныхъ органовъ, которая можетъ развернуться и распуститься лишь несовершеннымъ образомъ. Старый организмъ почти разрушился, а другой уже заступилъ его мѣсто и вступилъ въ силу, какъ только окончательно умереть первый обветшавшій организмъ. Точно также и безсмертная личность въ день смерти тѣла можетъ сбросить ветхую изношенную оболочку тѣла—потому что тамъ же въ ней уже готова другая оболочка—*новая, лучшая, вѣчная, созрѣвшая для жизни внѣ тѣла, душа.*

Но пусть можетъ образоваться такая оболочка. Естьли основаніе, думать что она эта вторая оболочка мысли, воли, словомъ души есть и она можетъ отдѣлаться отъ матеріи мозга?

Есть.

Мы указывали факты телепатіи, гиппотизма и т. д.

Если вѣрно—пишетъ Саббатъе, (а я заявляю, что наблюденія судя по ихъ числу источнику и природѣ заслуживаютъ вѣры)—что мысль, воля могутъ дѣйствовать на болѣе или менѣе удаленные матеріальные предметы; если вѣрно то, что даютъ опыты, продолжавшіеся около трехъ мѣсяцевъ во время пятидесяти сеансовъ, на каждый изъ которыхъ было употреблено по нѣскольку часовъ, причемъ этими тонкими наблюдателями не могло быть допущено никакой невольной ошибки; если вѣрно, говорю я, что при нѣкоторыхъ условіяхъ и у нѣкоторыхъ субъектовъ матеріальное тѣло кажется какъ-бы способнымъ къ неощутимому удлинению за предѣлы естественныхъ органовъ и вслѣдствіе этого дѣйствующимъ на внѣшнія тѣла; если вѣрно также, что глубокозадуманная мысль, сильное и поражающее впечатлѣніе, внутренне энергической воли могутъ быть переданы отъ одного субъекта другому безъ всякаго объясненія ихъ на словахъ или же указанія внѣшними знаками; если телепатія, т. е. сообщеніе мыслей на разстояніи была-бы несомнѣннымъ фактомъ; если, слѣдовательно, какое-либо явленіе, напр., движеніе, принадлежащее по своимъ признакамъ къ разряду чисто психическихъ, могло-бы быть сообщено непосредственно, перенесено изъ одного нервнаго центра въ другой, и иногда даже на значительное разстояніе; если, я говорю, эти факты считать неоспоримо доказанными (а это такъ), то, мнѣ кажется, будетъ нужно признать за несомнѣнное, что дѣйствительно существуетъ эта специальная, невидимая и неосязаемая среда, при обыкновенныхъ условіяхъ способная къ передачѣ психическихъ движеній безъ перемѣны, а также, что, мо-

жетъ быть, ей свойственно служить мѣстомъ аккумуляціи и организаціи этихъ движеній, подобно тому, какъ воздухъ представляетъ собою среду, гдѣ аккумулируются звуку симфоніи и т. д.“.

Возьмите даже тотъ, извѣстный всѣмъ фактъ, что у многихъ людей передъ смертію, когда кровь испортилась, явленія питанія сдѣлались ненормальными, нервная машина принуждена работать при самыхъ дурныхъ условіяхъ; послѣ онѣмнія и даже разстройства психическаго существа происходитъ пробужденіе, мысль проясняется и оживаетъ, а изъ устъ умирающаго вылетаютъ ясныя рѣчи и удивительно высоконравственныя мысли. Или фактъ, что человѣкъ передъ смертію—вдругъ—въ одинъ моментъ переживаетъ все прошлое. Оцѣните это. „Этотъ быстрый переходъ къ свѣту отъ мрака, къ порядку отъ беспорядка, къ дѣятельности отъ полнаго ея упадка, въ то время, какъ органическія и жизненныя условія мозга должны были скорѣе сдѣлаться хуже, чѣмъ улучшиться, потому что обмираніе распространяется все дальше и приближается. смерть, этотъ переходъ можетъ быть объясненъ лишь съ большимъ трудомъ... Можно предположить, что въ этотъ моментъ эфирный организмъ начинаетъ отдѣляться отъ связей съ земнымъ организмомъ и сохраняетъ съ нимъ лишь часть отношеній, необходимыхъ для своего проявленія“.

И такъ, мы окончили. Съ точки зрѣнія, науки души вѣчны и сознаніе, та динамическая группа, которая зовется душой, освободившись отъ мозга, растеть, живетъ.

Это требованіе эволюціи.

„Тысячи, многія тысячи лѣтъ нужны были землѣ, чтобы изъ паровъ и калѣнія отложить твердыя основы, чтобы на нихъ могла развиваться растительная и животная жизнь, чтобы, мало-помалу, отъ самыхъ слабыхъ, еле видныхъ зачатковъ жизненной индивидуальности въ какой-нибудь зооспорѣ, развивать ее, т. е. личность, индивидуальность, въ другихъ высшихъ организмахъ, чтобы, наконецъ, появился въ шестой день человѣкъ, вѣнецъ творенія, высшее, пока что слово его—самая полная индивидуальность. Съ появленіемъ человѣка, высшаго индивидуума, появились на землѣ умъ, мысль, въ дѣйствительномъ ихъ значеніи и совѣми необычайно великими, дурными и хорошими послѣдствіями; въ человѣкѣ пока что достигло кульминаціоннаго, или правильнѣе, высшаго пункта (кульминація предполагаетъ обратное вслѣдъ за тѣмъ движеніе развитія внизъ, къ чему мы въ данномъ случаѣ, не имѣемъ ни малѣйшаго научнаго основанія) развитие

„индивидуума“, характерною особенностью котораго являются всѣ безтѣлесныя особенности человѣка, т. е. то, что называется „душою“. Начатки, первообразы этихъ способностей, имѣются, какъ извѣстно, также въ низшихъ животныхъ, въ инфузоріяхъ, монадахъ, зооспорахъ, амебахъ, они достигаютъ значительно большаго развитія въ высшихъ животныхъ, но послѣднимъ, высшимъ словомъ этого развитія, является индивидуальная, непременно индивидуальная, душа человѣка. До души животныхъ сказывающейся иногда даже съ поразительною интенсивностью, намъ нѣтъ никогда дѣла, потому что мы должны говорить только о высшемъ, что имѣется на лицо, о томъ, что подлежитъ, слѣдовательно, дальнѣйшему развитію, потому что этого дальнѣйшаго развитія изъ низшей формы скачкомъ въ высшую, минуя среднюю, мы никакимъ образомъ допустить не можемъ, не противорѣча общему ходу развитія бытія во всей его послѣдовательности тысячилѣтій. Выше человѣческой души созданіе, до сегодня, не произведено ничего, и, по существу своему, такая душа, какъ сказано, должна быть непременно индивидуальна,

Ну скажите-же теперь сами: можетъ-ли это быть, чтобы твореніе то и дѣло развиваясь, съ трудомъ и съ усиліями необычайными вырабатывая, на основаніи непреложныхъ законовъ, высшую форму, душу человѣка, непременно „индивидъ“, личность, сразу обрывалось на смерти того „индивида“, на уничтоженіи, съ такимъ трудомъ и въ такое долгое время, доразвившейся „души“. Всегда и вездѣ природа сохраняла, сберегала высокую изъ выработанныхъ формъ бытія, чтобы изъ нея идти, дальше, а тутъ на самой высшей формѣ, вдругъ, ни съ того, и съ сего, отступаетъ она отъ этого тысячилѣтіями соблюдавшагося закона и умерщвляетъ ее!

Одно изъ двухъ: или все бытіе земное ничто какъ безуміе, иронія, мыльный пузырь, но тогда зачѣмъ-же предвѣчныя, несомнѣнныя, непреклонныя, математически точныя законы мірозданія, зачѣмъ вся эта обстановка строгой логичности для надувательства кого-то, важнаго триумфальнаго законнаго шествія въ глупѣйшее ничто? или, наоборотъ, если законы не шутка, если жизнь дѣйствительно логична и развитіе въ извѣстномъ направленіи ея суть, признайте въ гибели единоличной души человѣка, т. е. высшаго индивидуума, совершеннѣшшую невозможность, полное отрицаніе всей остальной жизни, всѣхъ несомнѣнныхъ законовъ бытія, какой то невѣроятной, безпричинный скачекъ по совершенно про-

тивоположному всему движенію бытія направленію! Но признавъ невозможность гибели души, что будетъ совершенно правильно, предоставьте-же ей, въ силу сохраненія однажды выработанныхъ улучшенныхъ формъ, дальнейшее развитіе. т. е. загробную жизнь (Случевскій).

Повторю: вся послѣдняя половина написана для склонныхъ къ невѣрію.

И вотъ что оно говоримъ: даже невѣрющія науки двигается къ признанію безсмертіе.

А ты останешься при своей вѣрѣ. что душа какъ искра Божества—не можетъ быть небезсмертной и аргументацію Джемса, Шиллера, Сабботье примемъ, какъ доказательство изъ враговъ мысль не вполнѣ вѣрную, но подвигнушуюся къ истинѣ.

Прибавлю—что предложить вниманію молодыхъ друзей теорію о безсмертіи заставилъ меня одинъ фактъ: близкій мнѣ невѣрющій челоуѣкъ обратился къ вѣрѣ послѣ книги „безсмертіе души“

Онъ принялъ „безсмертіе“ а мы сказали, что увѣровать въ безсмертную душу значить признать все содержаніе вѣры.

Какъ изъ клубка, изъ истинны безсмертія разовьется вѣра въ невидимый міръ, въ Бога.

Другъ.

...иногда жила в нем, так же как быты и в других. Но при этом
...иногда жила в нем, так же как быты и в других. Но при этом
...иногда жила в нем, так же как быты и в других. Но при этом

...иногда жила в нем, так же как быты и в других. Но при этом

...иногда жила в нем, так же как быты и в других. Но при этом

...иногда жила в нем, так же как быты и в других. Но при этом

...иногда жила в нем, так же как быты и в других. Но при этом

...иногда жила в нем, так же как быты и в других. Но при этом

...иногда жила в нем, так же как быты и в других. Но при этом

Друг

